

Contents

Introduction	5
Parasha and Other Poems	I
PARASHA	3
ANDREI	53
PART ONE	55
PART TWO	91
A CONVERSATION	127
THE LANDOWNER	169
THE VILLAGE PRIEST	205
<i>Note on the Text</i>	229
<i>Notes</i>	229
Extra Material	233
<i>Ivan Turgenev's Life</i>	235
<i>Ivan Turgenev's Works</i>	245
<i>Select Bibliography</i>	257

Other books by IVAN TURGENEV
published by Alma Classics
(translated by Michael Pursglove)

A Nest of the Gentry

The Diary of a Superfluous Man

Fathers and Children

Faust

Memoirs of a Hunter

On the Eve

Rudin

Smoke

Virgin Soil

Parasha
and
Other Poems

PARASHA

A STORY IN VERSE

By chance we fall in love, by chance we also hate.

Lermontov*

I

Читатель, бью смиренно вам челом.
Смотрите: перед вами луг просторный,
За лугом речка, а за речкой дом,
Старинный дом, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходским маляром...
Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертой рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.
За домом сад: в саду стоят рядами
Всё яблони, покрытые плодами...
Известно: наши добрые отцы
Любили яблоки — да огурцы.

2

Не разберешь — где сад, где огород?
В саду ж был грот (невинная затея!)
И с каждым утром в этот темный грот
(Я приступаю к делу, не робея)
Она — предмет и вздохов и забот,
Предмет стихов моих довольно смелых,
Она являлась — в платьице простом,
И с книжкой в немножко загорелых,
Но милых ручках... На скамью потом
Она садилась... помните Татьяну?
Но с ней ее я сравнивать не стану;
Боюсь — рукой читателя махнут
И этой сказки вовсе не прочтут.

I

I humbly bow my head before you, reader.
Before you lies a big wide meadow. Look!
A house, a river, both beyond the meadow.
The house is venerable, both grim and black,
And painted by a local decorator,
Both low and broad, and with a hideous roof
Propped up by columns, most of them askew.
It saw the idleness and life uncouth
Of owners one, or maybe two, or three.
Beyond the house, an orchard where there stood
Long lines of apple trees bedecked with fruit.
Our ancestors give many good examples
Of how they loved both cucumbers and apples.

2

A kitchen garden? Orchard? Who could tell?
A grotto stood there, innocent construction!
And every morning came to this dark dell
(I broach the subject quite without compunction)
My verses' theme, a well-known local belle,
A girl who wore a plain and simple dress,
Whose hands, though by the sun made slightly brown,
Were very good to look at nonetheless,
Who on a bench to read a book sat down –
Does this Tatyana* call at all to mind?
I similarities with her can't find,
And fear that readers will not pay due heed
And to the end my story will not read.

3

Но кто она? и кто ее отец?
 Ее отец — помещик беззаботный
 Сперва служил, и долго; наконец,
 В отставку вышел и супругой плотной
 Обзавелся; теперь большою делец!
 Живет в ладу с своими мужичками...
 Он очень добр и очень плутоват,
 Торгуется и пьет чаек с купцами.
 Как водится, его супруга — клад;
 О! сущий клад! и умница такая!
 А женщина она была простая,
 С лицом, весьма похожим на пирог;
 Ее супруг любил как только мог.

4

У них одна лишь дочь была... Мы с ней
 Уж познакомились. Никто красоткой
 Ее б не назвал, правда; но, ей-ей
 (Ее два брата умерли чахоткой), —
 Я девушки не видывал стройней.
 Она была легка — ходила плавно;
 Ее нога, прекрасная нога,
 Всегда была обута так исправно;
 Немножко велика была рука;
 Но пальцы были тонки и прозрачны...
 И даже я, чудак довольно мрачный,
 На эту руку глядя, иногда
 Хотел... Я заболтался, господа.

5

Ее лицо мне нравилось... оно
 Задумчивою грустию дышало;
 Всегда казалось мне: ей суждено
 Страданий в жизни испытать немало...
 И что ж? мне было больно и смешно;
 Ведь в наши дни спасительно страданье...
 Она была так детски весела,
 Хотя и знала, что на испытанье
 Она идет, — но шла, спокойно шла...
 Однажды я, с невольною печалью,
 Ее сравнил и с бархатом и с сталью...
 Но кто в ее глаза взглянул хоть раз —
 Тот не забыл ее волшебных глаз.

3

But who is she? Who can her father be?
 A landlord with a comfortable life,
 He served the government for long, then he
 Retired and found himself a well-off wife.
 Now of big business he's a devotee!
 He lives in harmony with all his peasants...
 He's very kind, but sly beyond all measure.
 He does some trading and drinks tea with merchants.
 As often is the case, he'd wed a treasure –
 A treasure, and considerable brain!
 And yet his wife was homely, simple, plain.
 Her face was reminiscent of a pie.
 Her spouse loved her as much as he could try.

4

They had a single daughter, whom we've met,
 But as for her, I cannot but admit
 To call her beautiful would bend the truth.
 (TB dispatched two brothers in their youth.)
 But on such grace my eyes I've never set.
 Her gait was easy, and she seemed to cruise
 On pretty feet, and set a fine example
 By wearing the most elegant of shoes.
 It may be thought her hands were rather ample –
 Her fingers, though, were delicate and slim.
 And even I, eccentric, somewhat grim,
 On seeing this, would sometimes have a yen...
 But I have talked too freely, gentlemen.

5

Her face attracted me, being with a sort
 Of pensive melancholia suffused;
 It always seemed to me it was her lot
 To suffer in this life and be ill-used.
 All this both pained me and amused. So what?
 Such suffering is salutary today.
 Her joy so childish was, so innocent,
 Although she knew that trials lay in her way,
 She on and on without complaining went.
 Whoever met but one sole time her gaze
 Did not forget the magic of her eyes.

6

Взгляд этих глаз был мягок и могуч,
 Но не блестел он блеском торопливым;
 То был он ясен, как весенний луч,
 То холодом проникнут горделивым,
 То чуть мерцал, как месяц из-за туч.
 Но взгляд ее задумчиво-спокойный
 Я больше всех любил: я видел в нем
 Возможность страсти горестной и знойной,
 Залог души, любимой божеством.
 Но, признаюсь, я говорил довольно
 Об этом взгляде: мне подумать больно,
 Что — может быть — читающий народ
 Всё это неестественным найдет.

7

Она в деревне выросла... а вы,
 Читатель мой, — слышали вы, наверно,
 Что барышни уездные (увы!).
 Бывают иногда смешны безмерно.
 Несправедливость ветреной молвы
 Известна мне; но сознаюсь с смиреньем,
 что над моей степнячкой иногда
 Вы б посмеялись: над ее волненьем
 В воскресный день — за завтраком, когда
 Съезжались гости, — над ее молчаньем,
 И вздохами, и робким трепетаньем...
 Но и она подчас бывала зла
 И жалиться умела, как пчела.

8

Я не люблю восторженных девиц...
 По деревням встречаешь их нередко;
 Я не люблю их толстых, бледных лиц,
 Иная же — помилуй Бог — поэтка.
 Всем восхищаются: и пеньем птиц,
 Восходом солнца, небом и луною...
 Охотницы до сладеньких стишков,
 И любят петь и плакать... а весною
 Украдкой ходят слушать соловьев.
 Отчаянно все влюблены в природу...
 Но барышня моя другого роду;
 Она была насмешлива, горда,
 А гордость — добродетель, господа.

6

Her look was one of gentleness and might,
 But with no transient sparkle did it glow:
 One moment it was clear as spring sunlight,
 The next, with haughtiness shot through and through,
 Then glimmered like the clouded moon at night.
 Of all her looks, her look of calm and thought
 I loved the most of all. In it I'd see
 The hint of passions searing, burning hot,
 A pledge of soul loved by the deity.
 But I admit I've had enough to tell
 About these looks. It makes me feel unwell
 That you may possibly, my gentle reader,
 All I have said unnatural consider.

7

She grew up in the countryside. And you,
 My gentle reader, doubtless will have heard
 Provincial girls – I fear it's all too true –
 Are sometimes quite excessively absurd.
 That rumour is unjust I always knew –
 With due humility I have to own
 That my steppe girl you'd with derision treat
 On Sundays, for the agitation shown
 When guests would come to have a bite to eat.
 You'd mock her for her taciturnity,
 Her sighs and tremulous timidity...
 But when aggrieved, or angry, sometimes she
 Knew how to sting as well as any bee.

8

I do not like emotional young maids...
 To meet such in the country is not rare;
 I do not like their faces, plump and fading;
 Some may be poetesses, God us spare!
 They take delight in all: the song of birds,
 The rising of the sun, the moon, the sky...
 Enthusiasts for sentimental poets,
 They love to sing and weep, and on the sly,
 To listen to the nightingales' sweet notes.
 They are in love with all by Nature wrought...
 But my young lady was a different sort:
 Yes, she was full of pride, contemptuous,
 But, gentlemen, such pride is virtuous.

9

Она читала жадно... и равно
 Марлинского и Пушкина любила
 (Я сознаюсь в ее проступках)... но
 Не восклицала: «Ах, как это мило!»
 А любовалась молча. Вам смешно?
 Не верите вы в русскую словесность —
 И я не верю тоже, хоть у нас
 Весьма легко приобрести известность...
 Российские стихи, российский квас
 Одну и ту же участь разделяют:
 В порядочных домах их не читают
 А квас не пьют... но благодарен я
 Таким чтецам, как барышня моя.

10

Для них пишу... но полно. Каждый день —
 Я вам сказал — она в саду скиталась.
 Она любила гордый шум и тень
 Старинных лип — и тихо погружалась
 В отрадную, забывчивую лень.
 Так весело качались березы,
 Облитые сверкающим лучом...
 И по щекам ее катились слезы
 Так медленно — Бог ведает о чем.
 То, подойдя к убогому забору,
 Она стояла по часам... и взору
 Тогда давала волю... но глядит,
 Бывало, всё на бледный ряд ракут.

11

Там, — через ровный луг — от их села
 Верстах в пяти, — дорога шла большая;
 И, как змея, свивалась и ползла
 И, дальний лес украдкой обгибая,
 Ее всю душу за собой влекла.
 Озарена каким-то блеском дивным,
 Земля чужая вдруг являлась ей...
 И кто-то милый голосом призывным
 Так чудно пел и говорил о ней.
 Таинственной исполненные муки,
 Над ней, звеня, носились эти звуки...
 И вот — искал ее молящий взор
 Других небес, высоких, пышных гор...

9

She read as much as possible, and put
 Marlinsky's works* and Pushkin's on a par
 (I readily admit her lapses)... but
 She did not cry "How nice these authors are!",
 But silently admired. Is that so odd?
 In Russian literature you don't believe,
 And nor do I, although I find with us
 Celebrity is easy to achieve.
 Both Russian poetry and Russian kvass
 Have run into a serious reverse.
 In decent circles they don't favour verse
 And don't drink kvass, but first I must begin
 By thanking readers like my heroine.

10

I write for them. Enough. For days and days,
 I've told you – in the garden she would roam.
 She loved the shade and sound of ancient trees;
 Among the limes oblivion would come;
 Beneath them she would sink in leisured ease.
 The swaying of the birches brought much cheer,
 Irradiated with a glowing ray,
 And down her cheeks would roll tear after tear
 So slowly... no one knew the reason why.
 One moment she approached a broken fence
 And stood for hours, giving every chance
 To eyes that wished to see – but all she saw
 Was nothing but pale willows in a row.

11

Across a meadow, from her village distant
 About three miles, there ran the great high road,
 Which twisted round, contorted like a serpent,
 And clipped the edges of a distant wood,
 And to it made her inner soul subservient.
 With wondrous beams of light illuminated,
 A world unknown now started to appear,
 A voice which called, with kindness permeated,
 So wonderfully sang and spoke to her.
 And, overfilled with some mysterious pain,
 There rang above her head the same refrain...
 She sought to find with her beseeching eyes
 The peaks of lush green hills, and other skies...

EVERGREENS SERIES

Beautifully produced classics, affordably priced

Alma Classics is committed to making available a wide range of literature from around the globe. Most of the titles are enriched by an extensive critical apparatus, notes and extra reading material, as well as a selection of photographs. The texts are based on the most authoritative editions and edited using a fresh, accessible editorial approach. With an emphasis on production, editorial and typographical values, Alma Classics aspires to revitalize the whole experience of reading classics.

For our complete list and latest offers visit

almabooks.com/evergreens